

Глава 1

Нэт

— Скажите, пожалуйста, сэр, это Плумфилд? — спросил маленький оборванец у человека, отворявшего ворота, около которых он вышел из омнибуса.

— Да, — ответил тот. — От кого ты?

— От мистера Лоренса. У меня есть письмо к леди.

— Отлично. Так ступай в дом и отдай ей письмо. Она позаботится о тебе, парнишка.

Человек этот говорил добродушно, и мальчик, ободренный его словами, вошел в ворота. Сквозь легкую дымку теплого весеннего дождя, падавшего на молодую траву и покрытые почками деревья, Нэт увидел прямо перед собой большой квадратный дом со старинным крыльцом, широкими ступенями и ярко освещенными окнами. Ни шторы, ни ставни не закрывали веселого света. И еще прежде чем Нэт решился позвонить, он увидел много маленьких теней, прыгавших на стенах, услышал веселый гул детских голосов и с грустью подумал, что этот светлый дом, казавшийся таким уютным и теплым внутри, не для таких бесприютных, как он.

«Надеюсь, что леди позаботится обо мне», — подумал он и робко стукнул большим бронзовым молотком в виде головы грифа.

Румяная служанка отворила дверь и с улыбкой взяла протянутое мальчиком письмо. Она, по-видимому, привыкла пускать в дом незнакомых мальчиков, потому что, нисколько не удивившись, показала Нэту на стоявший в передней стул и сказала:

— Посидите здесь. Я пойду к хозяйке и отдам ей письмо, а с вас за это время немного стечет вода.

Много интересного увидел Нэт, пока сидел в передней, с любопытством осматриваясь вокруг. Он с восхищением глядел по сторонам и был очень доволен, что его самого в темном уголке около двери никто не замечает.

В доме было множество мальчиков. Они были везде: и наверху лестницы, и внизу, и, наверное, в комнате леди, потому что всюду, где были открыты двери, виднелись группы мальчиков разного возраста, которые, не унывая из-за дождливой погоды, придумывали всевозможные развлечения. Все они старались как можно веселее провести свободные вечерние часы, и их веселье было довольно шумным.

Две большие комнаты направо были, по-видимому, классными, потому что там стояли парты и большие черные доски, валялись книги и висели географические карты. В одной из них яркий огонь горел в камине. Несколько ребят лежали около него и толковали о новой площадке для крикета, причем с таким воодушевлением, что их ноги болтались в воздухе. Высокий юноша в уголке играл на флейте, не обращая никакого внимания на раздававшийся со всех сторон шум. Два-три мальчика прыгали через парты, время от времени останавливаясь, чтобы перевести дух и полюбоваться на уморительные карикатуры, которые рисовал какой-то проказник на классной доске, изображая чуть ли не всех живущих в доме.

В комнате налево был накрыт длинный стол для ужина, уставленный большими кувшинами с парным молоком, горками пеклеванного и белого хлеба и грудями имбирных пряников, которые так любят дети. Запах поджаренных с маслом ломтиков хлеба носился в воздухе, смешиваясь с ароматом печеных яблок, — очень соблазнительный запах для голодного желудка.

Но привлекательнее всего показалась Нэту передняя. Наверху лестницы была в разгаре игра в пятнашки. На одной площадке играли в шарики, на другой — в шахматы; на ступеньках сидели мальчик, читавший книгу, девочка, певшая

колыбельную песенку своей кукле, два щенка и котенок, а вниз по перилам один за другим скатывались несколько мальчиков — к большому вреду для своей одежды и опасности для рук, ног и голов.

Нэта так заинтересовало это катание по перилам, что он машинально встал и потихоньку вышел из своего уголка. Один мальчик, живой, как ртуть, скользил вниз до того быстро, что не смог остановиться и упал с перил, сильно ударившись головой об пол. Всякий другой при таком падении наверняка разбил бы себе голову, но у этого мальчика она, видно, так часто стучалась об пол в течение одиннадцати лет, что стала твердой, как пушечное ядро. Нэт, совсем забывшись, бросился к упавшему — в полной уверенности, что тот едва жив; но мальчик только быстро мигнул несколько раз, а потом с удивлением поднял глаза на незнакомое лицо и крикнул:

— Хей!

— Хей! — отозвался Нэт, не зная, что сказать, и решив, что это короткое восклицание будет самым подходящим.

— Ты новенький? — все еще лежа спросил мальчик.

— Я и сам еще не знаю.

— Как тебя зовут?

— Нэт Блэк.

— А меня Томми Банг. Хочешь прокатиться? Пойдем наверх, — и Томми вскочил, должно быть, вспомнив о законах гостеприимства.

— Мне кажется, я лучше подожду, пока не узнаю, останусь я здесь или нет, — ответил Нэт, желание которого остаться увеличивалось с каждой минутой.

— Деми, тут новенький! Подойди к нему.

И резвый Томми снова вбежал на лестницу с намерением продолжать катание: неудача его нисколько не смутила.

Деми был тот мальчик, который, сидя на ступеньке, читал книгу. Услышав, что его зовут, он поднял свои большие темные глаза и после короткой заминки, как будто преодолевая

застенчивость, встал со ступеньки. Сунув книгу под мышку, он подошел к Нэту, которому очень понравились милое лицо и добрые глаза Деми.

— Ты видел тетю Джо? — спросил Деми, по-видимому, придавая этому вопросу большое значение.

— Я еще не видел никого, кроме мальчиков, — ответил Нэт. — Я жду.

— Тебя прислал дядя Тедди?

— Меня прислал мистер Лоренс.

— Это и есть дядя Тедди. Он всегда присылает хороших мальчиков.

Нэту было приятно это замечание. Он улыбнулся, и его худенькое лицо просветлело и стало очень красивым. Он не знал, что бы такое сказать своему новому знакомому, и оба мальчика некоторое время стояли молча, дружелюбно глядя друг на друга. Девочка, укачивавшая куклу, с любопытством взглянула на Нэта и подошла к ним. Она была меньше Деми и очень похожа на него, только у нее были голубые глаза, а личико — покруглее и порумянее, чем у Деми.

— Это моя сестра Дэйзи, — сказал Деми таким тоном, как будто представлял какое-то необыкновенное существо.

Нэт и Дэйзи кивнули друг другу. Потом девочка улыбнулась, отчего на ее щеках появились ямочки, и ласково сказала:

— Я надеюсь, что ты останешься у нас. Нам здесь так хорошо, правда, Деми?

— Конечно, хорошо.

— Мне тоже очень нравится здесь, — заметил Нэт, понимая, что ему следует что-нибудь сказать этим милым детям.

— Лучше Плумфилда нет места на свете, правда, Деми? — воскликнула Дэйзи, которая, очевидно, считала своего брата авторитетом решительно во всем.

— Ну нет! Гренландия, где есть ледяные горы и где водятся тюлени, гораздо лучше. Но я люблю Плумфилд, и это действительно очень хорошее место, — ответил Деми, увлечен-

ный книгой о Гренландии. Только он собрался показать Нэту картинки и объяснить, что на них нарисовано, как вернулась служанка и сказала Нэту, показав на дверь гостиной:

— Леди решила, что вы останетесь здесь.

— Как я рада! — воскликнула Дэйзи, ласково и немного покровительственно взяв Нэта за руку, так что мальчик тут же почувствовал себя как дома. — Теперь пойдем к тете Джо.

Деми снова принялся за свою книгу, а его сестра повела Нэта в гостиную, где высокий джентльмен возился на диване с двумя малышами, а худенькая леди дочитывала доставленное Нэтом письмо.

— Так это и есть мой новый мальчик? Я очень рада видеть тебя, мой милый, и надеюсь, что ты будешь счастлив здесь, — сказала тетя Джо, притянув к себе Нэта.

Она нежно, как мать, взглянула на него и ласково откинула ему волосы со лба. Одинокое сердечко Нэта радостно забило и сразу было отдано ей.

Тетю Джо нельзя было назвать красивой, но у нее было симпатичное, веселое лицо, в выражении которого, так же как в ее взгляде и манерах, сохранилось что-то юное, девичье. Это делало ее необыкновенно привлекательной, и дети быстро сближались с ней. Она заметила, что губы Нэта задрожали, когда она поправляла ему волосы, и ее взгляд стал еще мягче. Она притянула жалкого, оборванного мальчика поближе к себе и со смехом сказала:

— Я — мама Бэр, этот господин — папа Бэр, а это два маленьких Бэра. Ступайте сюда, мальчики, познакомьтесь с Нэтом.

Мальчики тотчас же вскочили с дивана, и высокий господин, посадив их на плечи, подошел поздороваться с Нэтом. Роб и Тедди только весело смеялись, глядя на него, а мистер Бэр пожал ему руку и, показав на низенький стул около камина, приветливо сказал:

— Вот и местечко для тебя готово, дружок; садись к огню и посуши свои мокрые ноги.

— Ах, ведь они и в самом деле мокрые! — воскликнула миссис Бэр. Снимай скорее башмаки, мой мальчик, я в одну минуту приготовлю тебе все сухое!

И миссис Бэр так энергично засуветилась, что не успел Нэт оглянуться, как уже сидел перед камином в сухих чулках и теплых туфлях.

— Благодарю вас, мэм! — сказал он, и в его голосе звучала такая благодарность, что в глазах миссис Бэр снова засветилась нежность, но она тотчас же улыбнулась и весело заговорила; так она поступала всегда, когда бывала растрогана.

— Это туфли Томми Ванга, — сказала она, — но он их никогда не надевает, значит, они ему ни к чему. Тебе они велики, но это не беда: теперь ты не сможешь убежать от нас так быстро, как мог бы, если бы они тебе были впору.

— Я не хочу убежать отсюда, мэм, — сказал Нэт и с довольным вздохом протянул к огню свои грязные руки.

— Ну и отлично. Теперь тебе нужно хорошенько согреться. Я полечу тебя от этого скверного кашля. Давно ты так кашляешь, мой мальчик? — спросила миссис Бэр, роясь в большой корзине в поисках лоскутка фланели.

— С зимы. Я простудился, и с тех пор кашель все не проходит.

— Немудрено, так как он жил в сыром подвале и ходил чуть не в лохмотьях, — шепнула миссис Бэр своему мужу, который внимательно смотрел на Нэта и, конечно, заметил ввалившиеся виски, пересохшие губы, хриплый голос и частый кашель мальчика.

— Сбегай-ка к няне, Роб, — сказал мистер Бэр, переглянувшись с женой, — и попроси, чтобы она дала тебе лекарство от кашля и смягчающую мазь.

Нэта немножко встревожили эти приготовления, но он забыл свой страх и рассмеялся, когда миссис Бэр, лукаво взглянув на него, шепнула:

— Слышишь, как мой плутишка Тедди старается кашлять. В лекарстве, которое я дам тебе, есть мед, и ему тоже хочется его принять.

Маленький Тед даже раскраснелся от своих усилий покашлять, когда принесли пузырек. И после того как Нэт выпил лекарство и миссис Бэр завязала ему горло фланелью, малышу позволили облизать ложку.

Тут как раз зазвонил колокол, и громкий топот ног в передней возвестил, что ужин подан. Застенчивый Нэт вздрогнул при мысли о встрече с множеством незнакомых детей, но миссис Бэр взяла его за руку, а Роб шепнул ему покровительственным тоном:

— Не бойся, я позабочусь о тебе!

Двенадцать мальчиков, по шесть с каждой стороны стола, стояли, держась за стулья, и переступали с ноги на ногу, с нетерпением ожидая, когда можно будет приняться за ужин. Молодой человек, игравший на флейте, старался их успокоить. Однако никто не сел за стол до тех пор, пока миссис Бэр не заняла свое место около чайного прибора, посадив по правую сторону от себя Нэта, а по левую — Тедди.

— Это ваш новый товарищ, Нэт Блэк, — сказала она. — После ужина вы сможете познакомиться с ним. Потише, мальчики, потише!

В то время как миссис Бэр говорила, все глаза были устремлены на Нэта, а потом мальчики, с грохотом отодвигая стулья, стали усаживаться, стараясь держаться чинно, правда, не особенно успешно. Миссис и мистер Бэр делали все возможное, чтобы дети вели себя прилично за столом, и это им почти всегда удавалось. Они требовали немногого, их правила были разумны, да и сами дети, понимая, что это делается для общего блага, изо всех сил старались повиноваться. Но бывали дни, когда постоянно одергивать мальчиков казалось слишком жестоким. И субботний вечер — канун праздника — принадлежал им.

— Нужно дать этим бедняжкам хоть один день в неделю, когда они могли бы вволю пошуметь, покричать и пошалить. Праздник ведь не в праздник без веселья. А потому раз в неделю они будут пользоваться полной свободой. — Так обыкновенно говорила миссис Бэр, когда некоторые чопорные гости удивлялись, почему катание по лестничным перилам, бросание друг в друга подушками и другие веселые игры допускаются под кровлей такого благопристойного дома, как Плумфилд.

Временами казалось, что эта кровля того и гляди взлетит на воздух; но она никогда не взлетала, потому что одно слово дяди Бэра могло в любое время прекратить шум. Кроме того, мальчики понимали, что не следует злоупотреблять свободой. И поэтому, несмотря на мрачные предсказания, школа процветала, а дети как-то незаметно постепенно приучались к вежливому обращению и становились вполне благовоспитанными.

Нэт на своем месте чувствовал себя как нельзя лучше. Спереди его закрывали высокие кувшины, с одной стороны от него сидел Томми Банг, а с другой — миссис Бэр, наполнявшая его тарелку и кружку, как только он успевал съесть и выпить все, что в них было.

— Мальчика, который сидит рядом с девочкой на том конце стола, зовут Деми? — шепотом спросил Нэт своего соседа.

— Да, это Деми Брук. Мистер Бэр — его дядя.

— Какое странное имя!

— Его настоящее имя Джон, но мы зовем его Деми-Джонном или просто Деми, потому что его папа тоже Джон. Это шуточное прозвище, понимаешь?

Нэт не совсем понял это объяснение, но из вежливости улыбнулся и с интересом спросил:

— Правда, он хороший мальчик?

— Да, очень хороший. Он знает множество интересных вещей и читает все подряд.

— А кто этот толстый мальчик рядом с ним?

— Это Фаршированный Кочан. Его зовут Джордж Коль, но мы прозвали его Фаршированным Кочаном, потому что он очень много ест. Маленького мальчика, который сидит рядом с дядей Бэром, зовут Робом, а около него сидит длинный Франц, тоже племянник дяди Бэра. Он учит некоторых мальчиков и немножко присматривает за нами.

— Он играет на флейте, да? — спросил Нэт, но Том, засунув в рот целое печеное яблоко, не смог произнести ни слова; он только кивнул в ответ, а затем, гораздо скорее, чем можно было ожидать при данных обстоятельствах, сказал:

— Конечно, играет. И мы иногда танцуем под музыку или делаем гимнастику. Сам я люблю барабан и постараюсь выучиться барабанить как можно скорее.

— А я больше люблю скрипку, — сказал Нэт, оживившийся, как только речь зашла о музыке. — И я умею на ней играть.

— Правда? — воскликнул Томми, взглянув на него из-за кружки округлившимися от любопытства глазами. — У мистера Бэра есть старая скрипка, и он позволит тебе играть на ней, если захочешь.

— Неужели? Ах, как бы мне хотелось! Знаешь, я ходил по улицам и играл на скрипке с моим папой и еще одним человеком, пока папа не умер.

— И тебе было весело? — спросил в высшей степени заинтересованный Томми.

— Нет, это было ужасно. Зимой было страшно холодно, а летом слишком жарко. И я очень устал и часто голодал. — Нэт остановился на минутку и откусил большой кусок имбирного пряника, как бы стараясь убедиться, что это тяжелое время прошло, а потом с сожалением прибавил:

— Но я любил мою маленькую скрипку, и мне скучно без нее. Николо взял ее, когда папа умер, и не хотел, чтобы я оставался с ним, потому что я был болен.

— Если ты хорошо играешь, тебя возьмут в оркестр.

— Разве у вас есть оркестр?

— Конечно, и очень хороший, из одних мальчиков. Они играют концерты и все такое. Вот увидишь, что будет завтра вечером.

После этого сообщения Томми снова принялся за ужин, а Нэт с восторженной улыбкой на губах задумался над своей полной тарелкой.

Миссис Бэр слышала все, что говорили между собой Нэт и Томми, хотя, казалось, была так занята разливанием молока и своим маленьким Тедди, что не могла уловить ничего. Тедди был такой сонный, что совал ложку вместо рта себе в глаз, качаясь из стороны в сторону, пока наконец крепко не заснул, уронив голову на мягкую булочку. Миссис Бэр специально посадила Нэта рядом с Томми: этот шалун был очень общительным мальчиком, и застенчивые дети чувствовали себя с ним необыкновенно легко. Так же подействовало общество Томми и на Нэта, который открыл соседу за ужином свои маленькие секреты, и это дало возможность миссис Бэр узнать Нэта лучше, чем если бы она сама поговорила с ним.

Вот содержание письма, которое мистер Лоренс прислал с Нэтом:

«Дорогая Джо, я знаю, что тебе будет по душе дело, которое я хочу поручить тебе. Этот бедный мальчик — сирота, больной, не имеющий ни родных, ни друзей. Он был уличным музыкантом и жил в сыром подвале, где я нашел его, плачущего об умершем отце и о своей скрипке, которую у него отняли. Мне кажется, что из него выйдет толк и что мы можем общими силами поставить его на ноги. Ты позаботишься о его изнуренном теле, твой муж Фриц займется его душой, до сих пор остававшейся в пренебрежении, а затем я посмотрю, что может выйти из этого мальчика — талантливый музыкант или только ремесленник, способный зарабатывать себе на хлеб. Позаботься о нем ради твоего собственного сына. Ваш Тедди».

— Уж, конечно, мы позаботимся! — воскликнула миссис Бэр, прочитав письмо. А когда она увидела Нэта, то почув-

ствовала, что в любом случае — есть у него талант или нет — ему, больному, одинокому мальчику, нужен прежде всего приют и нежная материнская забота. Она сама и ее муж внимательно наблюдали за Нэтом и, несмотря на его обтрепанное платье, неловкие манеры и грязное лицо, приметили в нем много такого, что им понравилось. Нэт был худенький, бледный двенадцатилетний мальчик с голубыми глазами, высоким лбом, выразительным ртом и растрепанными волосами. Временами на лице его появлялось какое-то тревожное, испуганное выражение, как будто он ждал, что его отругают или побьют. Губы его дрожали от нежного взгляда, а каждое ласковое слово он встречал с трогательной благодарностью.

«Бедный мальчик! Пусть он играет на скрипке хоть целыми днями», — подумала миссис Бэр, увидев, как просияло лицо Нэта, когда Томми упомянул про оркестр.

После ужина, когда мальчики прибежали в класс и принялись за разные игры, появилась миссис Бэр со скрипкой в руках. Сказав несколько слов мужу, она подошла к Нэту, который сидел в уголке и с большим интересом смотрел на происходящее.

— Не сыграешь ли ты нам что-нибудь, дитя мое? — спросила она. — У нас в оркестре как раз недостает скрипки, и мне кажется, ты мог бы сыграть хорошо.

Она думала, что Нэт смутится и будет стесняться, но он тут же схватил старую скрипку, и по тому, с какой любовью он смотрел на нее, было видно, что он очень обрадовался.

— Я сыграю как можно лучше, мэм, — сказал он и провел по струнам смычком, как бы спеша поскорее услышать знакомые звуки.

В комнате стоял страшный шум, но Нэт не обращал на него никакого внимания. Он не слышал ничего, кроме звуков своей скрипки, и играл, забыв обо всем на свете. Это была простенькая мелодия, которую часто играют уличные музыканты. Дети перестали шуметь и, притихнув, с удивлением

и удовольствием слушали музыку. Мало-помалу они стали придвигаться все ближе и ближе к Нэту; подошел к нему и мистер Бэр. А Нэт продолжал играть, не замечая никого. Глаза его блестели, на щеках вспыхнул румянец, а его худенькие пальцы быстро водили смычком.

Когда он закончил, раздались восторженные аплодисменты. Нэт оглянулся вокруг, как бы пытаясь сказать: «Я старался играть как можно лучше. Не знаю, понравилось ли вам».

— Ты играл великолепно! — воскликнул Томми, считавший, что Нэт находится под его покровительством.

— Ты будешь играть первую скрипку в моем оркестре, — с одобрительной улыбкой прибавил Франц.

— А ведь Тедди прав, — шепнула миссис Бэр своему мужу. — Из этого мальчика на самом деле выйдет толк.

Мистер Бэр энергично кивнул и, потрепав Нэта по плечу, добродушно сказал:

— Ты играл очень хорошо, мой мальчик. Исполни нам теперь какую-нибудь песню, а мы споем ее хором.

Это была самая счастливая минута в жизни бедного Нэта. Его провели на почетное место около рояля, а мальчики встали вокруг. Не обращая внимания на жалкую одежду маленького музыканта, они смотрели на него с уважением и с нетерпением ждали, когда он снова заиграет.

Выбрали знакомую всем песню, и концерт начался. Трио из флейты, скрипки и рояля и хор детских голосов огласили комнату. Это оказалось слишком сильным впечатлением для Нэта: когда последние звуки песни замерли, его губы задрожали, он уронил скрипку и, отвернувшись к стене, зарыдал, как маленький ребенок.

— Милый мой, что с тобой? — воскликнула миссис Бэр, которая тоже пела с детьми и в то же время старалась удержать маленького Роба, желавшего непременно отбивать такт ногой.

— Вы все так добры... И всё так хорошо... Я не смог удержаться... — всхлипывая, промолвил Нэт, а потом закашлялся и с трудом перевел дух.